

И. Коженевска-Берчинска

К вопросу о российской этносфе-
ре
в польском общественном созна-
нии

О «публицистических стереотипах» и не только о них

В своих рассуждениях я использую тексты последних лет (1997 – 2000). В 1997 году, в связи с приходом к власти польских правых, начал развиваться процесс поляризации мироощущений и аналогично – мировосприятия. С одной стороны, мы имеем дело с уравновешенными и, как правило, продуманными суждениями левой оппозиции и прессы умеренного толка, с другой – с экстремальным, человеконенавистническим дискурсом к власти приближенных.

Эти две тенденции, естественно, влияют на общественное сознание, в том числе на восприятие постперестроечного хаоса и неопределенности в России. В «польском мышлении» наших дней преобладают эмоции, которые нередко свидетельствуют о стереотипном видении России и россиян. История русофобии, а следовательно, образование негативных стереотипов, богата, сложна; согласно четкому определению видного социолога: «равно масштабы страны, как и ее близость, равно убожество, как и величие России, приводят в ужас здравомыслящих» (GW, 22 4 99).

Постоянное присутствие в общественном сознании ментальных стереотипов обосновано также психологически: это незнание и часто нежелание узнать, понять, осмыслить; но также новая возможность гласно критиковать Великого Брата. Кстати, советский период в жизни России не способствовал соседскому взаимопониманию, а наоборот, стабилизировал старое и создавал новое стереотипное мышление. В этом месте целесообразно сослаться на один из множества преданных гласности документов: «До половины 1945 года НКВД арестовал на «свободной территории» (несколько польских воеводств. – *И. К.-Б.*) свыше трех тысяч солдат Крайовой армии, в

том числе пятьсот офицеров. Из них около 20% были убиты, а остальные попали в лагеря или в ссылку» (GW, 22 4 99).

Тем не менее, «польские» годы конца XX века – это также время переоценок, стремления объективно видеть бурлящую экстренными событиями российскую действительность. Итак, в публицистических текстах намечаются две основные тенденции: ироническое, мягко говоря, и одностороннее представление фактов, но и сочувственная, непредвзятая их презентация, сопровождаемая более или менее обильными комментариями. Обоим типам высказываний присуще воздержание от конечных авторских выводов, что, впрочем, относится к умеренной и левой периодике; право на умозаключения оставляется чаще всего за читателем.

Отобранный фактический материал я разделяю на несколько тематических групп, причем классификация подсказана равно моими интересами, как и самим материалом.

1. *Авторские размышления о российской современности.* Отображение социополитического пейзажа современного российского миропорядка многогранно. Намечается неисчислимое множество мнений, а каждое из них заключает в себе долю истины и может стать исходным материалом для полемики, для дальнейших рассуждений. Итак, например президент А. Квасневский сомневается: «Самый главный вопрос, на который я не умею ответить: насколько в России формируется гражданское общество <...> До тех пор, пока это не выяснится, необходимо считаться с фактом, что здесь будет преобладать прежняя (? – И. К.-Б.) властная система» (GW, 19 12 98). И в том же духе: «Так уже принято в России, что структурные проекты сопровождаются чаще революционным гневом, чем демократическими процедурами, а претворенные в жизнь восстанавливают контуры уходящей системы» (GW, 19 12 98).

Можно предполагать, что подобного типа оценки нередко упрощены и малоинформативны, а также необоснованно глобальны. Ожидалось бы объяснение, насколько такое восприятие демократии и реформ есть воздействие польских стереотипов, а насколько оно обосновано наличием «недемократической демократии» и реформ, которые очень часто (и не только в России) являются лишь средством камуфляжа, создания видимости социально полезных и необходимых действий.

Польское «среднее восприятие», отображенное в «моей» периодике, характеризуется редкими обобщениями, а тем более прогнозами. Это обосновано и недостатком индивидуализированных наблюдений, и непомерной сложностью ситуации в России. Может быть, потому польские попытки оценить новое социополитическое обустройство облакаются в формулу – «взирая на лица и на конкретные». Например, анализируются идеи великанов, таких, как Солженицын, который «поддается искушению извечного российского национализма, который беды России представляет как результат внешнего заговора то ли большевиков-интернационалистов, то ли не менее

«интернациональных» приватизаторов (как Березовский). Заговор подтверждает якобы мировое господство «известных сил» (GW, 19 12 98).

Судя по видению вещей из польского далека, «еврейские анимозии» – это российская традиция: «Макашов, предлагая «еврейские лимиты» при поступлении в вуз, не придумал ничего нового. В рамках прежней системы эти лимиты были нормой» (Тгуб, 16 1 99). Тот же сюжет выражен уже в наши дни: «Кампания Путина высветила еще одно свойство российского общества, которое как-то не акцентировалось в нашей умеренной прессе. Акцию Кремля против финансовых олигархов можно воспринимать как сигнал уверенности в существовании мирового заговора, как сигнал борьбы с евреями» (Po1, 29 7 2000).

В последнее время в левой и умеренной прессе буквально приживается сюжет добросовестности, объективного отношения к российской этносфере, который я бы оценила как голос рассудка, а также негации «права на жизнь» слепящей неприязни: «Польские политические деятели относятся к Москве с еще большим пренебрежением, чем их западные коллеги <...> Помимо актуальной слабости России, она останется мощным государством с огромными богатствами и научно-техническим потенциалом» (Тгуб, 14 4 2000). И еще сильнее: «Сюжет, который эксплуатируют равно левая «Трибуна», как и национально-католические правые (т.н. katoprawica), – это «московская опасность»: элиты и масс-медиа не замечают очевидного, они ничего не понимают, они и не представляют наших государственных интересов» (необходимости в нормальных соседских взаимоотношениях. – И. К.-Б.) (Prz, 104 2000).

Не обладая, что вполне понятно, более синтетическими знаниями о современной российской жизни, авторы публицистических текстов пытаются показать «общее через частное, единичное». Еще одним критерием такого жизнеописания является степень экстренности происходящего, причем, в отличие от более ранних текстов¹, сегодня не наблюдается лихорадочный поиск сенсации ради сенсации. Ярким примером могут служить материалы о Владивостоке, о Якутии, о Березовском и самые актуальные – о трагедии «Курска». Экземплификации: «Общеизвестно, что в России ни на что не хватает денег. Владивосток – единственный город, который жил без дефицита, а даже мог себе позволить перестройку городского транспорта и дармовые проезды <...>. Когда Черепков стал мэром, он открыл, что из каждого десятка городских рублей мафия разворовывает семь <...> Черепков оказался «советью России», но он уже не является губернатором, кстати, вопреки специальному декрету Ельцина» (GWM, 15 4 99).

В тексте «Золото эвенков» представлена богатая панорама Якутии вкупе с господствующими здесь нравами и обычаями. Я ограничусь лишь несколькими цитатами, хотя весь материал заслуживает внимания, ибо он восполняет наши скудные знания о жизни «в провинции». (Между тем, в польском массовом сознании сведения о жизни России (россиян) ограничиваются про-

странством самых крупных городов). И так, «в столице Якутии функционирует русско-американская фирма Goldsprah – и это единственный знак нового времени; Якутия остается землей обетованной. Здесь богатейшие залежи золота, а также неисчислимое богатство алмазов. Это географическое пространство в 10 раз больше Польши, но здесь лишь миллион жителей, большинство из которых мечтает бежать, но бежать некуда и не на что» (Po1, 17 4 99). В ином тексте цитируются знаменательные слова пенсионерки-геолога, которая живет с больным сыном на ничтожные деньги. «Столько же получает и директор, и уборщица. В этом отношении в Якутии равенство, причем только пенсионеры получают регулярно деньги» (Po1, 28 4 99). Нетрудно осознать, что это непобедимый инстинкт выживания породил племя старателей, т.е. индивидуальщиков-золотоискателей, которые являют собой «образцово организованный поселок в сердце тайги, с новопостроенной торной дорогой, хорошим снабжением, безукоризненной организацией труда» (Po1, 5 5 99). Подобные сведения обладают значительным когнитивным потенциалом, они раскрывают истину о судьбе «провинциальных обездоленных», которым лишней раз внушается вера в очередное «светлое будущее», разумеется, для энных поколений...

В статье «Игра в Березовского» дается оценка места аферистов в жизни россиян: «Российские официальные масс-медиа представляют его арест как доказательство победы над хищным капитализмом, независимое же телевидение объясняет это как «конец эры олигархов в России» (Р. Туг, 20 3 99). В свете дальнейшего хода событий эти оценки надо воспринимать как чересчур оптимистические. Вернее было бы говорить «о расчистке поля перед очередными президентскими выборами» (Тгуь, 14 4 99). Трагические события всегда обнажают нашу сущность, это относится и к индивидуальным, и к социальным ситуациям, когда мы и наш мир наиболее однозначны, ибо лишены камуфлирующих одежд. И так, «мрачная драма «Курска» высветила голую истину о поверхностном характере трансформаций <...> Синдром Курска – интегральный элемент российской неповторимости» (Rzp, 22 8 2000).

В отобранном публицистическом материале мы находим также попытки посредственно, изредка непосредственно определять свойства общественного менталитета россиян, оказавшихся в непривычных, часто т.н. европейскому уму непостижимых экономических и политических условиях.

2. *Попытки оценить общественный менталитет россиян.* Как результат недопонимания можно воспринимать упреки типа: «Часть россиян ждет с протянутой рукой подачки от государства» (Р Туг, 1 4 98). Во-первых, как показывает и польский опыт, не все умеют и не все могут «взять свои дела в свои же руки», именно им государство обязано помогать. Во-вторых, надо учесть курьезную ситуацию в России, где государство месяцами, а то и годами не оплачивает гражданам их труд, и потому просто

неприлично говорить в этом контексте о «рабской психологии», что «бесмысленно» повторяют наши газеты вслед за российскими.

Тем не менее, есть основы предполагать, что «невообразимая терпимость, которую беззастенчиво использует власть» (Р Туг, 1 4 98) – это одно из проявлений безвинного, но унижающего человеческое достоинство рабского менталитета, воспитанного веками, а его антипод составляет фашистская агрессивность. Российские фашисты, которые во время становления «Памяти» воспринимались здесь как чудачество и только, сегодня поражают своей нетерпимостью, демонстрированием на каждом шагу силы, человеконенавистничества, сплошной ксенофобии. Из польских СМИ мы узнаем, что «фашистскими миазмами поражены в основном молодые люди, а их силовые действия нередко «одобряются властью» (Р Туг, 2 12 98).

По наблюдениям польских «информантов», власти предрекшие не реагируют даже в случае, когда юные фашисты однозначно (хотя лишь вербально) призывают «покончить с жидами, которые <...> опустошают нашу страну, с которыми надо решительно разделаться» (GW, 20 1 2000). Подобные слова «звучат зловеще, они напоминают черносотенные «подвиги» (Тгуб, 16 1 99). Представленные оценки можно пополнить цитатой из выступления Яковлева: «Наш фашизм – это смесь гитлеризма и славянофильской паранойи» (Ро1, 10 11 98). Есть основания считать, что власть трактует эти действия как громом отвод, предотвращающий более опасные для нее реакции сонма недовольных.

Человек (и не только россиянин) так устроен, что всегда надеется на лучшее, но *обозримое* будущее. Сила надежды до того мощная, что он, как правило, не рассуждает, насколько верна его вера, и не заменит ли их отчаяние от фактически полученного.

Абсолютно точным можно считать поставленный диагноз: «Российское общество совершенно не было подготовлено к ошеломляющим рыночным трансформациям. В этой ситуации назойливо насаждался миф о неслыханном и моментальном благоденствии» (GW, 19 12 98). Рыночно-реформистские демистификации, которые определяют сегодня горькую судьбу россиян, приводят к озлоблению, и даже трудно считать это лишним проявлением «революционной ментальности»: «Люди проклинали систему, которая уже ничего не дает даром, и даже ничего не обещает» (Ро1, 17 499).

Зато как подтверждение живучести начальстволюбия и чиновничества можно прочесть слова к пятидесятилетию губернатора Приморского края Е.Наздратенко (кстати, этот «народный праздник» сильно напоминает атмосферу гоголевского «Ревизора»): «Все, кто что-нибудь значат, спешат с поздравлениями, с подарками. Организовали фотовыставку, на которой представлено свыше двухсот изображений юбиляра. Все художественные силы были брошены на фронт борьбы за достойное празднование юбилея» (GWM, 15 4 99).

О глобальном мы узнаем, изучая индивидуальные судьбы, стремления, ожидания выдающихся личностей. Итак, обширный материал посвящается в польской периодике глубокой трагедии Горбачева, вызванной смертью

супруги. Автор цитирует симптоматичные «ментальные» слова пенсионерки-инженера: «Я пришла извиниться перед Раисой Максимовной. Ее убило наше недопонимание и черная русская зависть <...> Сегодня я думаю о ней совершенно иначе, она разбудила в нас надежду на лучшую жизнь. Наверно, это мы виноваты в том, что не успевали за ней» (W Ob, 16 10 99). Иной аспект «неуспеваемости» связан с из ряда вон выходящим поведением владык во время гибели «Курска»: «В полном согласии с поговоркой «человеческая жизнь – копейка советская, а может, еще и царская ментальность заставляет не только политиков, но и рядовых россиян относительно легко мириться с гибелью человека, если это выгодно с точки зрения государственных интересов» (Po1, 22 8 2000).

Анализируя польскую публицистику, нетрудно отметить, что современный материал, касающийся российского менталитета, довольно скудный, причем, он характеризуется недопониманием или просто незнанием. Это можно, в основном, объяснить фактом, что один из ключевых вопросов, от которого страдают сами россияне, звучит: «Кто мы?» Неполные, правда, ответы можно все-таки найти, изучая проблему сложных реляций рядовых россиян с властью имущими.

3. «Власть исходит из народа, но куда она заводит...», – сказал в свое время Б. Брехт. В отношениях россиян с властью еще в дореволюционное время установились некоторые стереотипы поведения, которые явно укрепились в советскую эпоху. Итак, россияне ненавидят свою власть и вместе с тем трепещут перед нею; относятся к ней с пренебрежением, но не без мистического уважения: «начальству виднее», и рядом: «ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак».

О российских владыках, разумеется, нет среди поляков ни единого, ни достаточно документированного мнения. Еще до «момента истины» в связи с трагедией «Курска» стало формироваться новое, отчасти положительное мышление о недавних властных элитах, которые отождествлялись если не с демократией, то во всяком случае – со стремлением к демократическому миропорядку². Много доброжелательных слов посвящалось «молодым волкам» (Чубайс, Немцов, Кириенко и др.), например: «...агрессивные, предприимчивые, беспощадные по отношению к «постсоветской элите», у которой они стремятся отнять власть» (Po1, 5 4 97). Согласно авторитетному, казалось бы, мнению бывшего польского посла в России «...здесь будут управлять прекрасные профессионалы, я в этом убежден» (P Tug, 1 4 98). И высказывание польского президента: «Можно предполагать, что российские демократы не воспользовались временем, которое было им предоставлено. По всей вероятности, они будут ощущать трудности во время выборов. Надо желать успеха таким персонам, как Чубайс, Кириенко, Немцов. Я с ними знаком, им по плечу ответственность за Россию» (GW, 19 12 98).

Более реалистично другое мнение, которое выражено с использованием сугубо экспрессивной метафоричности. Рефлексия Солженицына об «орлах

новой демократии, которые прилетели прямо из «Правды» или ЦК», польскому автору послужила поводом для экскурсов в далекое прошлое: «Подобные метаморфозы вызывают естественное недоверие, а заодно – представление традиционного российского интеллигентского спора, изображенного в свое время нашим историком Кухаржевским: «Вечером пьяное вольнодумство, утром, после отрезвления, – покаяние в полицейском участке и доносы на сотрапезников» (GW, 19 12 98).

Довольно много внимания уделяется имперским навыкам власть имущих, включая атавизм советскости в их поведении: «В стране, в которой все зависит от одного человека, пользование благосклонностью власти остается высшей ценностью» (Wp, 6 4 97). И еще: «В масштабе страны господствующая система привела к четкому расслоению на привилегированное меньшинство и многомиллионные массы, месяцами ожидающие скромную зарплату или пенсию. Отсюда голодные бунты» (P Tug, 12 5 98). А в дополнение: «Остаются в силе все привилегии советской номенклатуры <...> Ельцин, провозглашая конец привилегий, создал их неподконтрольную империю» (Tgub, 20 7 2000).

В последнее время польские публицисты опять обращают внимание на владельцев-аферистов. Один из приемов – это цитирование мнений последних российских «праведников», например, бывшего мэра Черепкова: «Такая огромная, богатая страна, а в бюджете на все расходы предназначается 20 миллиардов долларов, это в два раза меньше, чем в Польше. Это обеды с барского стола, которые любезные бандиты захотели оставить государству» (GWM, 15 4 99). И еще его же: «Я не отдавал себе отчета, что, остановив источник левых денег во Владивостоке, содействую пересыханию могучей реки черных денег, которые плывут из всех регионов России, попадая в карманы московской элиты» (GW, 14 6 99).

В польской публицистике отмечен неоднозначный факт генеральной путинской перестройки в высших эшелонах власти, это «означает конец всемогущества управляющих сегодня российской провинцией «владельцев» регионов» (GW, 20 7 2000).

Учитывая «августовские трагические события», можно предполагать, что *надежды рухнули*: «Советская и российская власть заботится не о человеке, а о своем престиже» (GW, 24 8 2000); «Покоящийся на морском дне «Курск» оказался чересчур трудным экзаменом для власть имущих» (Prz, 21 8 2000); «Советскость новой власти выражается в попытках замолчать катастрофу, в поисках виновников (естественно, американцы), в отказе от международной помощи и надменном заверении, что русская спасательная служба самая лучшая» (Rzp, 22 8 2000); «После трагедии «Курска» между властью и обществом образовался пролом, а в людях проснулось чувство гражданского достоинства» (Po1, 2 9 2000).

Как своеобразное резюме можно использовать слова: «Ни в одной стране власть не дает такой беспечности, такого права на безответственность и таких огромных денег» (GWM, 15 4 99).

4. *Куда направляется Россия «безвременья и смуты»?* – это и есть один из ключевых вопросов, на который нет даже приблизительного ответа. По справедливому мнению польских авторов, это и для нас заодно проблема соседства и взаимоотношений, следовательно, она должна трактоваться очень серьезно, и только так называемые ошеломители (от слова – ошеломлять)³ могут с легкостью безответственности, а также с неоправданным высокомерием относиться к поискам ответа, который для поляков далеко не безразличен⁴.

Нетрудно заметить, что наши обозреватели (не аналитики!) дублируют мнения самих россиян. Общее направление футурологической мысли указывает не только на реваншистские настроения в России, но и на ностальгию, разочарованность, попытки вернуть все на круги своя...

Перейдем к иллюстративному материалу. Итак, губернатор Наздратенко утверждает (его слова цитируются без комментариев): «Теперь в России надо восстановить то, что разрушили реформаторы, – исполнительную власть, а также расширить власть премьер-министра. В регионах нужны выборы губернаторов, иные выборы абсолютно излишни» (GWM, 15 4 99); «Ностальгическим настроением подверглась Госдума, требуя от московских владык восстановления памятника Дзержинскому; они же особым уставом утверждают облик Кремлевской площади, так чтобы никто случайно не вынес останков учеников вождя, погребенных у Кремлевской стены <...>. Восемидесятилетие праздновали в ноябре 98 года в наиболее престижном концертном зале бывшие деятели, ныне владельцы мерседесов и линкольнов» (Тгуб, 16 1 99).

Приводятся, между прочим, слова 37-летнего внука Л. Брежнева, который решил использовать имя деда для своей политической карьеры: «Я хочу построить коммунизм без руководящей роли партии и без ликвидации парламента. На Кремль с вилами мы не пойдем (он основал еще одну партию. – *И. К.-Б.*). Все я буду делать по-брежневски: тихо и спокойно. В дедово время слово «реформы» не принадлежало к излюбленным, но для человека было сделано намного больше, чем сейчас» (Тгуб, 16 1 99). В таком контексте цитируются результаты опроса телезрителей: «Права человека соблюдались лучше при Л. Брежневе, чем при М. Горбачеве и Б. Ельцине» (Тгуб, 16 1 99). И злободневная оценка: «В. Путин предлагает России третий путь. Видимо, поэтому все чаще подчеркивается российская тождественность, а также исключительность не только российского православия, но и вообще культуры» (Ро1, 21 8 2000).

Резюмируя данные краткие рассуждения, следует сказать, что по отношению к россиянам польское общественное сознание характеризуется амбивалентностью. Традиционно, и не без оснований, функционируют негативные стереотипы, ибо они находят питательную среду в новой, якобы демократической действительности, в которой решающая все элита власти на

словах часто с брезгливостью отрекается от советскости, а в реальной жизни повторяет большинство из ее приемов, «совершенствуя» их с помощью невиданной коррупции, рвачества, беспринципной жадности и т.п.

Тем не менее, каковы наши «соседские стереотипы», таковы и мы, в них, как в зеркале, отражаются польские национальные пороки. Надо согласиться с видным современным философом, когда он говорит: «Мы должны многому научиться у россиян, прежде чем будем выражать категорические суждения о том, какие мы (незаурядные) и каковы они (порочные). Мы должны заметить и дооценить факт, что заселяет не только российское социальное пространство, но обитает и среди нас»⁵.

Однако изображенный выше пейзаж все чаще пестреет авторскими, как правило, объективными оценками, которые порождены доброжелательной, а по крайней мере – объективно рациональной заинтересованностью прагматиков, хотя параллельно наблюдается антисоветское и анти-российское помешательство, затмевающее глаза. Дальнейшую судьбу того и другого сюжета решит, естественно, сама жизнь.

Нижепредставленные названия журналов и газет левого, а также умеренного толка (кроме правого журнала «Wprost») суть источник языкового материала, который был отобран для анализа. Главные критерии отбора: довольно большая популярность, а также риторика, выражающая знание своего дела и лишенная агрессивных ноток. Они далеки от идеологии правых, носителей *единственно правильного учения*. На страницах данной периодики нередко появляются интересные полемические материалы, интервью – разговоры с разумными собеседниками, а также эссе известных мыслителей (не только поляков):

Ang – «Angora»;
GW – «Gazeta Wyborcza»;
GWM – «Gazeta Wyborcza-Magazyn»;
Pol – «Polityka»;
Rzp – «Rzeczpospolita»;
Prz – «Przegląd»;
P. Tyg – «Przegląd Tygodniowy»;
Tryb – «Trybuna»;
Wp – «Wprost»;
W Ob – «Wysokie Obcasy».

¹ Та же проблематика, но с учетом периода 1989 – 1999 гг. рассматривается в эссе: *Кожневска-Берчинска И.* Портреты России – россиян в польском словесном изображении. На основе современных публицистических текстов // Стереотипность и творчество. Омск, 1999. С. 253 – 268.

² Проблеме власти я посвящаю отдельные рассуждения. – См.: *Кожневска-Берчинска И.* О феноменологии российской власти глазами иноязычного читате-

ля: Из опыта антропологического анализа публицистики // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы Международной конференции. 7 – 9. X. 1997. Минск, 1997. С. 47 – 51.

³ Подробно на тему «ошеломского» менталитета поляков у власти см.: *Wasilewski A. Oszolomstwo i realizm. Warszawa, 1995.*

⁴ Больные сарматизмом поляки страдают, в основном, такими пороками: ма-ния величия, самовлюбленность, ксенофобия, нетолерантность, поверхностная и фарисейская религиозность, мракобесие, надменность. Вся суть такого мироотношения прекрасно описана в равно замечательной, как и труднодоступной книге: *Wasilewski A. Указ. соч.*

⁵ *Walicki A. Polskie zmagania z wolnością. Kraków, 2000. S. 83.*